

9 МАЯ.
СМЕРТИЮ
СМЕРТЬ ПОПРАВ

К 25-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ КОНЧИНЫ
А.Ф. ЛОСЕВА

РОСТОВСКИЙ СОБОР:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ,
БУДУЩЕЕ...

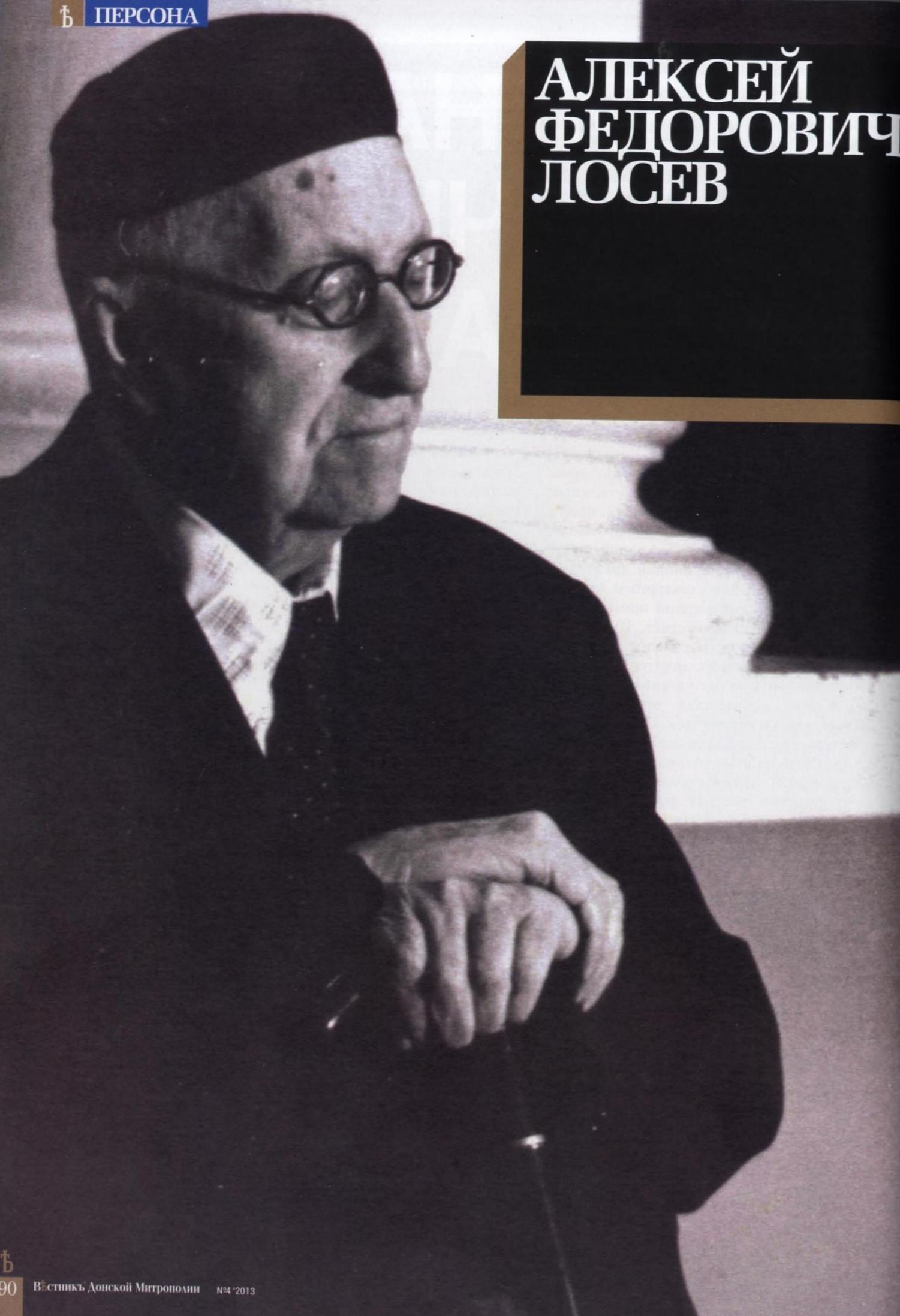
Официальный печатный орган Донской митрополии №4 / 2013 год

ВѢСТНИКЪ

Донской Митрополии

ПАСХА
КРАСНАЯ
РАДОСТИЮ
ДРУГ ДРУГА
ОБЫМЕМ

АЛЕКСЕЙ
ФЕДОРОВИЧ
ЛОСЕВ

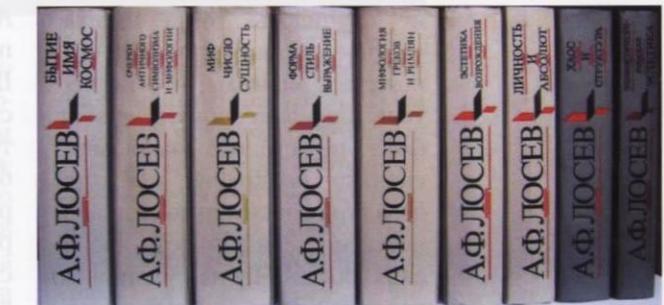
«ТАЙНЫЙ» УЧЕНИК ХРИСТА

К 120-летию со дня рождения
и 25-летию со дня кончины
философа-монаха

24 мая 1988 года, в год празднования Тысячелетия Крещения Руси, в день памяти своих любимых святых Кирилла и Мефодия, отошел ко Господу Алексей Федорович Лосев (монах Андроник). Мыслитель, энциклопедист, как и его небесные покровители, просветители славян, символизировавший своими трудами единство христианской философии и филологии, укрепляемых верой в Бога

Осенью 1989 г. со мной случилось то, что, как впоследствии выяснилось, называется «культурным шоком». Практически одновременно на письменном столе первокурсника-филолога оказалось, с одной стороны, дореволюционное издание «Столп и Утверждение Истины» священника Павла Флоренского и, с другой, советское – «Очерки античной эстетики» (кажется, 2-й том) вместе с «Эстетикой Возрождения» Алексея Федоровича Лосева.

Ни первый (в особенности!), ни второй авторы для обязательного штудирования в еще вполне тогда советской высшей школе не предполагались. «Античку» (по Лосеву, «любование на небесный свод») мы учили по Иосифу Тронскому, Средние века – по Виктору Жирмунскому и Аарону Гуревичу. Философия еще бродила вокруг марксизма. Имена Владимира Соловьев-

†

Если филолог не имеет никакого мировоззрения и никакого миросозерцательного вывода не делает, – это плохой филолог

А.Ф. Лосев

ва, Николая Бердяева, Константина Леонтьева (и др.) многих преподавателей, мягко говоря, обескураживали, некоторых – откровенно раздражали; интеллигентные доктора наук вежливо кивали, пожимали плечами. «Ну, – говорили они, – если вам эти темы действительно интересны, а их авторы так сильно впечатляют, отправляйтесь в Москву, ищите Азу Тахо-Годи, в Ленинград – в «Русский Дом» – к Дмитрию Лихачеву, Александру Панченко; разыщите Александра Топорова». По логике рассуждения: «Чтобы понять одного гения, обратитесь к другому из числа живых».

Так вот, книги не просто лежали, а регулярно «подвергались перекрестному чтению». Бывает, что толстые тома воюют, словно танки враждующих армий, но с этим ничего подобного не происходило – наоборот. В какой-то момент появилось опущение, что авторы писали изложение

(именно «изложение», а не «сочинение на заданную тему») после ознакомления с каким-то единственным «отправным» текстом. Это уже в 1991 г., когда была напечатана «Философия. Мифология. Культура» Лосева, стало понятно, что оба мыслителя (даже физически) находились в одной аудитории, где этот текст звучал, – аудитории Серебряного века русской духовной мысли. То, что Лосев – тайный монах Андроник, мы узнали только в 1993 г. Шока не случилось: тогда многое «тайное» в таком изобилии становилось «явным»

†

Читающий Лосева уподоблялся евангельскому Никодиму, который в тайных комнатах встречался с Тайной, чье Имя не всяким называлось

ным. Читали – не понимали и шестнадцатой части. «Второго Лосева», который бы все объяснил, не оказывалось рядом. Ахматова говорила, что «гений познается по широте замысла». Широту мы видели, но недоставало компаса, без которого трудно как выбраться из сибирской тайги, так и сориентироваться в бескрайнем океане религиозно-философских текстов. Следовало направляться к тому или иному профессору. Преподаватель иногда что-то пояснял, комментировал, но чаще многозначительно качал головой, улыбался, разводил руками: «Понимаете, – говорил он, – это же Лосев...». И советовал «читать дальше», предполагая, возможно, что «количество, несомненно, перейдет в качество». Переходило оно, честно, с большим трудом. Лосев не был академиком, он сам представлял собой «Академию интеллекта». Пересказать однокурсникам «что-нибудь из Лосева» оказывалось делом немыслимым в принципе. Междометия, вкупе с разного сорта

«вводными» словами, заняли бы большую часть подобного «пересказа».

В студенческой аудитории легкомысленно-увесистые фразы всегда звучали парадоксально, и возникал довольно странный эффект. Например: «Вот, я не помню точно, где, – произносил второкурсник, – но, кажется, у Лосева написано...». Далее следовала приблизительная цитата, которую никто не спешил оспорить или уточнить, поскольку звучала она убедительно, принадлежала, как было подчеркнуто, авторитету недосягаемому, а ввернутое студентом наречие «где-то» каким-то образом нейтрализовывало желание спорить.

Мы понимали, что для части русской интелигенции XX века (а к ней многим тогда хотелось быть причастным) Алексей Федорович был «культурной фигурой». Но в этой его «культурности» чувствовался некий подтекст, двусмысленность. Читающий Лосева уподоблялся евангельскому

†

То, что Лосев – тайный монах Андроник, мы узнали только в 1993 г. Шока не случилось: тогда многое «тайное» в таком изобилии становилось «явным»

Никодиму, который в тайных комнатах (в данном случае это были подтексты, полунамеки лосевских работ) встречался с Тайной, чье Имя не всяким называлось. Стать последовательным и преданным учеником Христа, изучая Лосева, даже зная детали его жизни, представлялось маловероятным, но через эти тексты мы прикасались к тому сокровенному, что еще не могли разглядеть и почувствовать в мистике Литургии, а труды святых отцов в 1989–91 гг. были еще малодоступны. Церковные бабушки, священники (какие-то «небожители»), пасхальные куличи, ночной крестный ход – все умиляло, вдохновляло, превращалось в тот самый «бисквит» Алисы: «Съешь меня!». Откусываешь кусочек – вырасташь. Гораздо позже некоторые из нас узнали о лосевском «православно-платоническом понимании имплицитации», «надсубъектно-нетварной энергии Слова» и проч. А тогда с лихвой хватало Платона, Плотина и Аристотеля.

В те же 90-е я впервые услышал о «методе Герасимова», с помощью которого происходили антропологические реконструкции. Михаил Герасимов по костным останкам (череп, ребра) восстановил внешний облик Тамерлана, Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского и Иоанна IV (Грозного). Царь у Герасимова совершенно не напоминал тирана с васнецковской картины. Антропологически восозданный Грозный выглядел человеком физически чрезвычайно больным, что предпола-

гало наличие у него жгучего желания компенсировать собственные страдания мучением других людей. Михаил Герасимов показал миру настоящего Иоанна IV, а Алексей Лосев из бесчисленного количества текстов, что существовали на древних языках и были написаны почти мифологическими авторами, воссоздал реальных людей, их «самое ценное – живой ум, живую мысль». Параллель казалась очевидной. Но вопросов оставалось довольно много. Никто не мог толком ответить, как ему удавалось, преподавая в пединституте десятилетиями, оставаться в духовных катакомбах, тайно молиться по монастырям, жить в двусмысленном советском мире с верой в Бога, с любовью к языку, славянству, древнему и вечному? Все прояснится позднее.

У Алексея Лосева хватало с избытком «света и высоты», его книги остались «на полках». Тянутся к этим «живым существам» давно уже не «дело вкуса», а проявление того, что Николай Бердяев называл «волей к культуре». А она или есть или ее нет, воспитали ее или «проявили толерантность». Никогда не поверю тому, кто скажет: «Люблю перечитывать Лосева», – сочту снобом; но уважительно пожму руку произнесшему: «Я изучал Лосева, и, пусть подводит память на цитаты, чувство восхищения его словом живо до сих пор».

Автор:
Протоиерей
Александр
Шабанов

Снятие с креста.
«Пришел Иосиф из Аримафеи...
Он, купив плащаницу и сняв Его во
гробе». (Мк. 15:43,46)

От Алексея Звонаря к тайному монаху Андронику

Духовный путь А.Ф. Лосева

Бого имя вошло во многие мировые энциклопедии. В итальянском философском словаре он назван «гениальным русским философом». Его книги не издавались на Родине, но переводились на многие европейские языки. Он был автором множества работ по античной филологии, эстетике, философии, истории, культурологии, искусствоведению, теории музыки, литературе, математике, логике, теоретической лингвистике, психологии и богословию. Он знал наизусть церковные службы. Постился самым строгим постом. А исповедоваться своему духовному отцу, с которым отбывал срок, был вынужден через письма. Алексей Федорович Лосев явил собой редкий пример мыслителя-энциклопедиста, универсальной личности, глубоко верующего монаха, ослепшего в сталинском концлагере, но получившего от Бога дар внутреннего прозрения

Алексей Федорович Лосев родился 23 сентября 1893 года в г. Новочеркасске. Отец рано оставил жену и маленького сына, которого воспитывала мать, Наталья Алексеевна, дочь протоиерея Алексея Полякова, настоятеля храма Михаила Архангела г. Новочеркасска, в

котором о. Алексий и крестил внука Алешу. Все предки по линии матери были донские казаки, участники русско-турецких войн, а прадед, сотник Алексей, за участие в Отечественной войне 1812 года был награжден Георгиевским крестом и удостоен потомственного дворянства.

В Классической гимназии, где учился Лосев, находился домовый храм в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. На клиросе этого храма гимназист Лосев пел в хоре. Просветителей славян Алексей Федорович чтил до конца своих дней. В 1911 году Лосев окончил

Ѣ

Никто не мог понять, как Лосеву удавалось, преподавая в советском пединституте, оставаться в духовных катакомбах, тайно молиться, жить в двусмысленном советском мире с верой в Бога

